

ПОПЫТКИ РЕФОРМ В ЛАТВИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА

Słowa kluczowe: reforma kalendarzowa, latynizacja, Łotewski Kościół Prawosławny

Восстав после долгих, тяжелейших лет безбожного коммунистического режима, Церковь в Восточной Европе возвращает доверие общества. Вместе с тем, все чаще раздаются голоса о необходимости реформирования церковной жизни, приспособления ее к потребностям современного общества. В этой связи представляется актуальным вспомнить исторический опыт подобных изменений. Цель статьи – анализ попыток реформ церковной жизни, предпринятых главой Латвийской Православной Церкви митрополитом Рижским и Латвийским Августином (Петерсонсом, 1873-1955) во второй половине 30-х годов XX века.

Правовое и материальное положение ЛПЦ

С момента образования независимого Латвийского государства (в 1918 г.) кардинально изменилось положение Православной Церкви. Если в Российской империи государственная власть откровенно покровительствовала православному вероисповеданию и материально поддерживала Рижскую епархию РПЦ, то в первые годы существования независимой Латвии Православная Церковь воспринималась большей частью латышского общества как реликт царского режима. Так, например, по мнению депутата II Сейма Карлиса Декенса «православие пришло к нам как русификатор и как орудие царского правительства», а другой депутат Сейма, писатель Линардс Лайценс с парламентской трибуны призвал снести Рижский кафедральный Христорождественский собор, «как символ режима царской России»¹. В свою очередь, А. Зембергс предложил переделать православный кафедральный собор в национальный пантеон героев борьбы за независимость Латвии, в котором

¹ Latvijas Republikas II Saeimas stenogrammas: ārkārtējā un 3 sesija, Rīga 1926, 708-709 slejas; «Latvijas kareivis», 1923, № 169.

На призыв Лайценса архиепископ Иоанн (Поммерс) ответил, что «это пыл, превышающий пыл Ленина. Пред самыми окнами большевика Ленина возвышались купола и главы древнейшего русского собора, где короновались когда-то русские цари, и все-таки в мозгу Ленина, даже в период тяжелой болезни, никогда не зарождалась мысль о сношении этого собора». Речь архиепископа Иоанна, произнесенная на утреннем заседании Сейма 1 июня 1926 года. «Вера и жизнь», 1926, № 8.

будут размещены бюсты, портреты героев Освободительной войны, флаги латвийских воинских частей, оружие и тому подобное. В результате в Латвии появится место, где будут проводиться все официальные государственные церемонии, так как «совершенно недопустимо, чтобы в центре Риги, в красивом месте, где проходят парады наших вооруженных сил и народные праздники, господствовал символ православия прежней России»².

Ситуация еще более осложнялась тем, что последний управляющий Рижской епархией епископ Ревельский Платон (Кульбуш, 1869-1919, сщмч.) в январе 1919 года был зверски замучен большевиками, поэтому епархия осталась без главы. В феврале и августе 1920 года состоялись собрания представителей православных приходов Латвии, которые постановили, что Латвийская Православная Церковь (ЛПЦ) будет самостоятельной и независимой в административных, хозяйственных вопросах, в своих отношениях с государственной властью, а в иерархическом отношении будет сохранять каноническую связь с Московским Патриархатом³. Августовское собрание избрало Синод ЛПЦ, который латвийское Министерство внутренних дел 20 ноября 1920 года официально признало руководящим органом управления ЛПЦ. Кроме того, на этих собраниях было также решено пригласить в качестве главы ЛПЦ архиепископа Пензенского и Саратовского Иоанна (Поммерса, 1876-1934, сщмч.). 19 июля 1921 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин, 1865-1925, свят.) даровал ЛПЦ самостоятельность в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских.

Следует отметить, что латвийское правительство не оказало никакой помощи архиепископу Иоанну в прибытии в Латвию, показав тем самым, что положение без управления, в котором находилась ЛПЦ, полностью устраивало органы государственной власти. Православных Латвии глубоко оскорбил и тот факт, что представители правительства не сочли нужным принять участие во встрече архиепископа Иоанна на латвийской земле⁴.

В Ригу архиепископ Иоанн (Поммерс) прибыл 24 июля 1921 года, а буквально накануне (19 июля) латвийское правительство официально передало резиденцию православного архиерея – Рижский Св. Алексеевский монастырь – Римско-католической Церкви. Когда архиепископ Иоанн в поисках защиты обратился к президенту Латвии Янису Чаксте, последний ответил, что «в латвийских законах нет ничего ни о Православной Церкви, ни о правовой защите этой Церкви. Этого

² A. Zembergs, *Latvijas atbrīvošanas svētnīca*, „Jaunākās Ziņas”, 20 jūnijs 1922, № 135.

³ Латвийский Государственный Исторический архив (далее – ЛГИА), ф. 7469, оп. 1, д. 39, л. 14-15; ф. 1370, оп. 1, д. 28, л. 35-36, 80-82.

⁴ Архив Лимбажского музея (далее – АЛМ), *Летопись Лемзальской Александро-Невской церкви*, 1822 г., с. 158.

не требуют ни государственные интересы, ни нынешняя политическая ситуация»⁵, то есть еще раз подтвердил, что Православная Церковь в Латвийской Республике находится вне закона.

Правительственные круги и радикально настроенные политические силы Латвии рассматривали сохранение канонической связи ЛПЦ с Московским Патриархатом, как зависимость Церкви от «руки Москвы». Они неоднократно советовали церковному руководству последовать примеру Эстонской Православной Церкви, которая, в нарушение церковных канонов, в 1923 году перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, а нежелание руководства ЛПЦ выполнять рекомендации Министерства внутренних дел объяснялось стремлением ЛПЦ к «Москве», то есть к старой царской России.

Отношение латвийского правительства к ЛПЦ наглядно характеризует донесение латвийского посла в Эстонии Яниса Сескиса министру иностранных дел Латвии З.-А. Мейеровицу от 23 декабря 1923 года: «Было бы очень желательным, чтобы Православные Церкви в балтийских странах стали бы национальными, оторванными от Москвы... Президент Эстонии Пятс думает, что наш Иоанн не такой уж неуступчивый, его можно будет заинтересовать возможностью занять почетное и материально обеспеченное положение. Правительство должно показать свой интерес в решении этого вопроса и изменить ситуацию»⁶. Однако ни архиепископ Иоанн, ни вся в целом ЛПЦ, строго придерживаясь церковным канонам, свою позицию не меняли. В результате на ЛПЦ и на всех православных верующих смотрели как на «пятую колонну» внутри независимого государства, православных считали предателями интересов Латвийского государства, и против ЛПЦ в первой половине 20-х годов были развернуты гонения. Отнятие у ЛПЦ храмов аргументировалось тем, что они во времена Российской империи были построены за государственный счет, поэтому на основании советско-латвийского мирного договора 1920 года якобы являются не церковной, а государственной собственностью. На основании же того, что многие православные приходы из-за проведенной во время Первой мировой войны эвакуации церковных архивов не могли документально подтвердить свои права на приходскую землю, ЛПЦ в ходе земельной реформы лишается значительных участков земли.

Лишь после четырехлетних обращений руководства ЛПЦ к правительству с просьбами определить правовой статус Православной Церкви в Латвии, 8 октября 1926 года Кабинет министров утвердил *Правила о положении Православной Церкви*, в соответствии с которыми ЛПЦ, наконец, были даны права юридического

⁵ А. Pommers, *Pareizticība Latvijā*, Rīga: LPB Sinodes izd. 1931, 80. lpp.

⁶ ЛГИА, ф. 1370, оп. 1, д. 272, л. 7.

лица. Кончается период гонений, период закрытия и уничтожения православных храмов, когда, по выражению архиепископа Иоанна (Поммерса), «имущество и святыни Церкви отнимались и отдавались кому придется, когда храмы передавались различным учреждениям или же стирались с лица земли; когда все, кому было не лень, могли отнять наши имущества и святыни с уверенностью, что они за это не понесут никакого наказания»⁷. С 1925/1926 бюджетного года правительство стало выделять Православной Церкви государственные дотации. Размер дотаций был небольшим – всего 22 500 латов в год, между тем, как большинство православных храмов нуждалось в ремонте, тем не менее, эти дотации все-таки позволили Синоду ЛПЦ каждый год выделять какие-то средства приходам на проведение неотложных ремонтных работ.

В 1926 году ЛПЦ удалось сдвинуть с мертвой точки еще один крайне наболевший вопрос – обеспечение приходов священно и церковнослужителями. 25 июня 1925 года архиепископ Иоанн (Поммерс) обратился к Латвийскому правительству с прошением, с которым подчеркнул, что «состав православных священников с каждым годом уменьшается – уже в настоящее время десятки православных приходов не имеют священников из-за недостатка соответствующих кандидатов». Архиепископ отметил, что если русские приходы могут частично решить эту проблемы за счет приглашения священников из-за границы, то «у латышских приходов нет такой возможности, так как среди прибывающих в Латвию иностранных подданных нет таких, которые бы владели латышским языком». Владыка подчеркнул, что ЛПЦ не имеет собственных средств на содержание духовного учебного заведения, поэтому попросил правительство помочь Церкви⁸. Однако, только после утверждения правительством *Правил о положении Православной Церкви* и предоставления ЛПЦ государственных дотаций (из общей суммы государственных дотаций 8 000 латов ежегодно выделялось на Рижскую Духовную семинарию) удалось, наконец, открыть православную семинарию. 1 декабря 1926 года в помещении Синода, где за неимением других помещений разместилась семинария, в присутствии архиепископа Иоанна, духовенства, преподавателей, будущих учащихся и их родителей был проведен торжественный молебен по случаю возобновления деятельности Рижской Духовной семинарии.

Вторую половину 20-х – первую половину 30-х годов XX века можно назвать временем стабилизации духовного и материального положения ЛПЦ. В этот период Церковь развертывает широкие строительные и ремонтные работы, в результате которых к середине 30-х годов каждый седьмой православный храм Латвии был новоосвященным. Благодаря тому, что архиепископ Иоанн (Поммерс) в 1925 году был

⁷ *Arhibīskapa Jāņa runa desmit gadu kalpošanas jubilejā Latvijas Pareizticīgo Baznīcā*, «Ticība un dzīve», 1936, № 7.

⁸ ЛГИА, ф. 1370, оп. 1, д. 704, л. 1-5.

избран депутатом II Сейма, а затем последовательно избирался депутатом III и IV Сеймов, голос в защиту Православной Церкви постоянно звучал с высшей законодательной трибуны страны. Как не хотелось правительству Латвии, но к этому голосу приходилось прислушиваться, так как за архиепископом Иоанном стояли более 160 тысяч православных Латвии (в 1925 году – 167 538 человек, 137 приходов)⁹.

Смена юрисдикции

После установления в Латвии авторитарного режима Карлиса Ульманиса (15 мая 1934 года) и особенно после кончины архиепископа Иоанна (в ночь с 11 на 12 октября 1934 года) резко усилился нажим органов государственной власти на Синод ЛПЦ. Цель – заставить церковное руководство освободиться от «власти Москвы», то есть прервать каноническую связь с Московским Патриархатом. Смену своего курса по отношению к ЛПЦ Кабинет министров Улманиса продемонстрировал сразу же после кончины Владыки Иоанна. А именно – запретил Синоду ЛПЦ «из санитарных соображений» выполнить волю усопшего – похоронить его в Рижском Христорождественском кафедральном соборе, подклет которого служил резиденцией архиепископа Иоанна.

Впервые вопрос о преемнике архиепископа Иоанна был поднят на пленарном заседании Синода 26 ноября 1934 года. С докладом по этому вопросу выступил протоиерей Иоанн Янсонс, который отметил, что у ЛПЦ есть только три пути, «идя по которым можно выбрать канонического епископа». Первый путь – обратиться к Русской Православной Церкви, то есть, к Московскому Патриархату; второй – обратиться за помощью к Константинопольскому Патриарху; третий – к Сербской Православной Церкви. В своем докладе о. Иоанн Янсонс подчеркнул, что глава Церкви должен быть избран каноническим путем, поэтому, по мнению протоиерея, самым правильным выбором является обращение к Московской Патриархии. При этом докладчик сослался на мнение покойного архиепископа Иоанна¹⁰. На этом же заседании группа латышских священников предложила обратиться за помощью к Константинопольскому Патриарху. Примечательно, что одним из основных аргументов этой группы были доводы о том, что в противном случае Латвийское государство впредь не будет предоставлять «непослушной» Церкви денежных пособий¹¹.

⁹ Там же, ф. 7469, оп. 1, д. 32, л. 5.

24 сентября 2001 года Собор ЛПЦ канонизировал священномученика архиепископа Иоанна (Поммерса). Очень емкую характеристику личности архиепископа Иоанна дал в своем письме к нему в марте 1922 г. митрополит Евлогий (Георгиевский): «Пред Вашей испытанной и исключительной энергией умолкают все протесты». ЛГИА, ф. 7131, оп. 1, д. 26, л. 71.

¹⁰ ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 74, л. 80.

¹¹ Синод обсуждал вопрос о выборах нового главы Латвийской Православной Церкви, «Сегодня», 1934, № 328.

Однако вскоре оказалось, что в условиях авторитарного режима Синод ЛПЦ уже не имеет самостоятельности в своих действиях. Полтора года Министерство внутренних дел (МВД) Латвийской Республики не давало своего согласия на созыв Собора ЛПЦ, понимая, что его участники проголосуют за сохранение прежнего статуса Церкви. За это время по указанию министерства практически полностью был обновлен состав Синода: из него вывели сторонников архиепископа Иоанна и заменили их «государственно-мыслящими» священниками и мирянами. И новый состав Синода ЛПЦ в августе 1935 года обратился к Патриарху Константинопольскому Фотию с просьбой посвятить главу ЛПЦ. 11 ноября 1935 года Синод составил прошение Патриарху Фотию о даровании ЛПЦ автономии по образцу Эстонской Православной Церкви. Однако внезапная кончина Патриарха замедлила ход событий, осуществляемых по сценарию, разработанному Министерством внутренних дел Латвийской Республики. Только 4 февраля 1936 года новоизбранный Патриарх Константинопольский Вениамин назначил экзарха в Западной и Восточной Европе митрополита Фиатирского Германоса (Стренопоулоса) своим представителем на Соборе ЛПЦ и даровал Латвийской Церкви (Митрополии) автономию.

Сторонники покойного Владыки Иоанна попытались выдвинуть свою кандидатуру нового главы Церкви – ректора Рижской Духовной семинарии, протоиерея Иоанна Янсона, пользовавшегося уважением не только в семинарии, но и большинства духовенства. МВД отменило решение Синода о выдвижении кандидатуры о. Иоанна Янсона, а накануне выборов главы Церкви по распоряжению властей был изменен Устав ЛПЦ. Впредь все важные вопросы церковной жизни – выборы епископов, учреждение новых епархий, викариатств и другие – должны были решаться только с согласия органов государственной власти¹².

Наконец, в результате выборов, проведенных 10 марта 1936 года на Вселатвийском Церковном Соборе, новым главой ЛПЦ был избран настоятель Даугавпилсской гарнизонной церкви протоиерей Августин Петерсонс (1873-1955). Его основными заслугами признавались не авторитет в церковных кругах – о. Августин служил в Латгалии (Восточной Латвии) и большинству делегатов Собора был практически неизвестен, – а его «домовитость», вдовство и «его давние связи с военными кругами»¹³. 29 марта 1936 года о. Августин был хиротонисан в митрополита Рижского и всея Латвии. Чин хиротонии совершили митрополит Фиатирский Германос, митрополит Принципский Фома, митрополит Иринопольский

¹² ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 338, л. 8-9.

¹³ А. Формаков, *Протоиерей Августин Петерсон. Из воспоминаний и личных встреч*, «Сегодня», 1936, № 71. Интересно отметить, что по характеристике, данной протоиерею Августину Петерсонсу Политуправлением МВД Латвийской Республики у будущего главы ЛПЦ был слишком «резкий характер, из-за которого он может легко вступить в конфликты» (ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/22, д. 22).

Константин, митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр и архиепископ Петсерийский Николай.

Для упрочения автономного статуса ЛПЦ было принято решение образовать два викариатства – Елгавское и Ерсикское. Инициатива образования викариатств также исходила от Латвийского правительства, которое предложило за государственный счет обустроить резиденции викарных епископов и выплачивать им жалование из государственной казны. Следует отметить, что Уставом ЛПЦ 1936 года не были определены ни полномочия викарных епископов, ни границы предполагаемых викариатств. В 1936 году правительство выделило средства на содержание одного викарного епископа – Елгавского. 27 сентября 1936 года во епископа Елгавского был хиротонисан Иаков (Jēkabs Karpis, 1865-1943). В 1938 году государство отпустило средства и на вторую викарную кафедру. 17 июля 1938 года во епископа Ерсикского (в 1939 году его титул был изменен на Мадонский) был хиротонисан Александр (Ādams Vītols, 1876-1942)¹⁴.

Основные изменения

На Вселатвийском Церковном Соборе, созванном в июле 1936 года, переизбрали Синод ЛПЦ, а также внесли изменения в Устав. Ликвидировалось приходское самоуправление, и впредь причт прихода назначался, перемещался или увольнялся только главой Церкви и Синодом, Синод же определял и размер жалования настоятеля (по старому Уставу эти права принадлежали общему собранию прихожан). Часть депутатов высказала недовольство тем, что митрополит Августин пресекал все попытки развернуть дискуссию по вносимым в Устав изменениям и требовал от депутатов формально голосовать за заранее подготовленные постановления¹⁵. По словам одного из депутатов, все решения Собора были подготовлены государственными чиновниками и «...вся его работа руководилась через заднюю дверь людьми, которые вовсе не принадлежали к Православной Церкви»¹⁶.

Уже в первом своем обращении к пастве митрополит Августин провозгласил о «слиянии целей» Православной Церкви и Латвийского государства, призвал православных Латвии отдать все свои силы на осуществление на практике заветов «нашего Вождя – Карлиса Улманиса... быть всем и всегда в единстве»¹⁷. Впоследствии, руководствуясь этими заветами, Августин попытался реформировать ЛПЦ в соответствии с государственной идеологией.

¹⁴ ЛГИА, ф. 1370, оп. 1, д. 1980, д. 2351.

¹⁵ Там же, ф. 3235, оп. 1/22, д. 688, л. 158.

¹⁶ The Archive of the Orthodox Church in America (далее: АОСА). XVI. Records of Clergy. Subsection A (bishops). Archbishop John (Garklavs) of Chicago. «Письмо епископа Рижского Иоанна (Гарклавса) митрополиту Августину (Петерсонсу) от 25 февраля 1949 года».

¹⁷ *Послание главы Латвийской Православной Церкви митрополита Августина к православному населению Латвии, «Сегодня», 1936, № 132.*

Митрополит Августин настоятельно требовал переводить богослужение во всех латвийских храмах на латышский язык, а при храмах, у которых были только русские приходы, открывать и латышские. Следует отметить, что в середине 30-х годов в Латвии проживало 174.389 православных, из которых латыши составляли 57.600 человек, русские – 103.438, белорусы – 8.520, эстонцы – 1.130, немцы – 587 человек и 3.105 человек – представители других национальностей (украинцы, поляки, литовцы и другие). Из 124 священнослужителей ЛПЦ 79 были русскими по национальности, 45 – латышами¹⁸. В большинстве приходов служба совершалась на церковнославянском языке. Поэтому нововведения митрополита вызвали резкое недовольство как мирян, так и духовенства, особенно в латгальских приходах, в которых большинство верующих просто не понимало латышского языка.

Полный цикл православного богослужения был переведен на латышский язык в середине XIX века, когда в связи с массовым переходом латышских и эстонских крестьян в православие (в 1845-1848 гг.) был создан целый ряд латышских приходов. Массовый переход латышей в православие заставил священников, знавших латышский язык, срочным порядком перевести службу на латышский язык. Перевод изобиловал прямыми кальками с церковнославянского или русского языка и требовал тщательного редактирования. Поэтому даже прихожане, хорошо владевшие латышским языком, часто были вынуждены по контексту службы догадываться о значении тех или иных слов. Кроме того, пожилые, опытные пастыри, служившие на территории Латвии еще до Первой мировой войны, владели латышским языком не в такой степени, чтобы проводить на нем богослужение. Несмотря на это уже осенью 1936 года митрополит Августин, совершенно не считаясь с мнением большинства приходского духовенства и мирян, потребовал проведения богослужения (особенно в дни государственных праздников) лишь на латышском языке.

По требованию митрополита и преподавание всех учебных предметов в Православном Богословском институте (открыт в 1936 г.) должно было осуществляться только на государственном, т.е. латышском языке. Преподаватели, не владевшие государственным языком, были отстранены от работы в институте¹⁹. В день открытия института митрополит Августин направил телеграмму Улманису, в которой выразил глубокую благодарность «высокопочтимому Вождю народа» и заверил, что весь институт возносит молитвы Богу «о благословении Вождя и помощи ему вести народ к единению и нравственному оздоровлению»²⁰.

¹⁸ ЛГИА, ф. 1370, оп. 1, д. 2343, л. 1-10.

¹⁹ Там же, ф. 3235, оп. 1/22, д. 688, л. 276.

²⁰ *Православный Богословский институт приветствует Президента государства*, «Сегодня», 1936, № 264.

Нововведения митрополита Августина затронули и храмы, из названий которых постарались убрать все, что указывало на их прежнюю связь с РПЦ. Так, в 1937 году Лимбажскую Св. Александро-Невскую церковь переосветили в храм во имя Преображения Господня.

Митрополит Августин с самого начала своего управления отдавал предпочтение латышским приходам, а в некоторых рижских храмах, наряду с русскими приходами, распорядился открыть и латышские, что было расценено верующими как то, что «у русских хотят отнять храмы». Уже осенью 1936 года в рижских православных храмах прошли шумные собрания прихожан, на которых верующие высказывали недовольство политикой митрополита Августина. Так, в рижском Св. Иоанновском храме в декабре 1936 года прихожане громкими возгласами протеста даже прервали речь митрополита, который призвал православных латышей основывать при храмах с русскими приходами свои, латышские приходы²¹.

«Языковая реформа» Августина потерпела полный крах. Даже то приходское духовенство, которое свободно владело латышским языком, понимало, что такими мерами можно оттолкнуть часть прихожан от храмов, поэтому продолжало совершать службу на церковнославянском языке. Рижское духовенство, находившееся под пристальным контролем церковного руководства, только в редких случаях совершало литургию на латышском языке, оправдывая себя или слабым знанием языка, или же тем, что их прихожане не посещают «латышские» службы.

Еще одной акцией митрополита Августина, вызвавшей повсеместный протест прихожан православных храмов, была попытка перевода ЛПЦ на новый календарный стиль. Об этом было объявлено в декабре 1936 года. Согласно распоряжению митрополита Августина, впредь старый календарь сохранялся только в тех приходах, в которых более двух третей прихожан решили его оставить. Однако и в этих приходах предполагалось в дальнейшем ввести новый календарь, так как «практическая жизнь требует... согласования церковного календаря с календарем гражданским»²².

Против этого нововведения верующие в основном протестовали «ногами», то есть не посещали храмы в праздники по новому стилю. Уже в декабре 1936 года представители латгальского духовенства попросили митрополита пересмотреть свое решение о переходе Церкви на новый календарь. Митрополит Августин не хотел уступать требованиям духовенства, однако акции недовольства продолжались, поэтому он попытался снять с себя ответственность за принятие такого непопулярного среди православных решения. В конце декабря 1936 года митрополит заявил, что он не может отменить постановление Синода ЛПЦ о переходе на новый

²¹ Там же, л. 185, 278.

²² *Jaunais stils*, «Ticība un dzīve», 1936, № 9.

календарь, однако, «если на местах невозможно провести это решение в жизнь», то он «со своей стороны не будет возражать против отмечания праздников и по старому и по новому стилю»²³. В 1937 году единого порядка не было, каждый настоятель сам решал, подстраиваясь под настроения прихожан, какому календарю следовать. Однако уже в 1938 году в большинстве православных храмов Латвии служба проводилась только по старому календарю, новый же календарь прижился лишь в некоторых малочисленных видземских сельских приходах.

Введение нового календаря вызвало более массовое недовольство православных верующих, чем попытка перевода богослужения на латышский язык, так как затронуло всех православных и нарушило сложившийся веками уклад жизни. При переходе же того или иного священнослужителя на латышский язык богослужения верующие просто переставали приходить на такие службы и в поисках «привычного» богослужения меняли храм.

Авторитарные методы управления митрополита Августина, его стремления реформировать ЛПЦ в соответствии с государственной идеологией настроили против главы Церкви многих православных Латвии. Уже в начале 1937 года Политуправление МВД отмечало, что среди православных Латвии усиливается оппозиция власти митрополита Августина, каждое его распоряжение встречает недоверие и сопровождается критикой, а также циркулируют разговоры о том, что истинным руководителем ЛПЦ является не митрополит Августин, а начальник Управления духовных дел МВД Э. Диминыш, так как Августин только выполняет его распоряжения²⁴.

В 1939 году предполагалось созвать очередной Церковный Собор. Однако митрополит Августин, почувствовав непрочность своих позиций, на заседании Синода 20 апреля 1939 года предложил отложить созыв Собора и продлить срок полномочий нынешнего Синода. Синод в очередной раз согласился с его мнением и изменил статью Устава ЛПЦ о периодичности созыва Собора с трех на пять лет, а свои полномочия продлил еще на два года. Такие действия Синода были уже прямым нарушением Устава Церкви 1936 года, согласно которому все изменения в Устав мог внести только Церковный Собор²⁵.

Авторитет митрополита Августина держался только за счет поддержки государственных органов власти. Своими нововведениями он не только не завоевал авторитет среди православных Латвии, но настроил против себя большинство верующих. Это отчетливо проявилось в год коммунистического режима, когда во время апрельского Собора 1941 года никто из латвийского духовенства не выступил в защиту митрополита. В свою очередь, когда в период немецкой оккупации

²³ ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/22, д. 688, л. 243.

²⁴ Там же, д. 920, л. 462.

²⁵ Там же, ф. 7469, оп. 1, д. 105, л. 33; ф. 1370, оп. 1, д. 2347, л. 63, 66.

территории Латвии митрополит Августин вновь провозгласил себя главой ЛПЦ в юрисдикции Константинопольского Патриархата, его поддержали лишь только пять священников малочисленных сельских приходов.

Выводы

События, произошедшие в ЛПЦ во второй половине 30-х годов XX века, еще раз доказывают, что инициатива реформ уклада церковной жизни, касающиеся таких насущных вопросов, как язык богослужения и календарь церковных праздников, должна исходить снизу, от приходов, от православных верующих. Такие реформы должны отвечать прежде всего интересам верующих и приходского духовенства, а не церковного руководства и государственной идеологии, должны быть тщательно подготовленными (надо учитывать уровень знания прихожанами и духовенством языка богослужения, готовить и редактировать богослужебные тексты и др.). Разумеется, что Церковь, существуя на территории определенного государства, должна следовать его законам, однако не его идеологии, тем более если эта идеология противоречит христианским законом, церковным канонам, всему тому, чему призвана служить Церковь.

SUMMARY

Alexandr Gavrilin, Riga

The attempts of the reforms in the Latvian Orthodox Church in the second half in the years of the 30-ies of the 20th century

Keywords: Calendar Reform, Latinisation, Latvian Orthodox Church

The article is devoted to reforms, which metropolitan Augustine (Petersons) tried to carry out in the Latvian Orthodox Church during the period of authoritative board of president Karlis Ulmanis. In 1936-1940 the metropolitan tried to transfer Church to a new calendar. He ordered to carry out church services only in Latvian and to form the Latvian communities in all orthodox communities.

The reforms of metropolitan Augustine, which haven't been supported by believers, failed.